коления Новикова в годы пребывания в университете, но дошедшие до нас сатирические произведения тех же лет свидетельствуют о том, что вопросы общественно-политической жизни страны привлекали внимание сверстников Новикова. Другим подтверждением этого являются переводы Фонвизина студенческих лет — политического романа «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского» Террассона и трагедии Вольтера «Альзира».

Нет необходимости подробно прослеживать дальнейшую биографию Новикова и его сверстников, тем более что монографий о Новикове имеется едва ли не больше, чем о каком-либо другом русском писателе XVIII г. Для нас важно было установить, в какой психологической и политической атмосфере протекали юношеские годы Новикова, как уже в этот период складывались его просветительские и политические интересы, первым осязательным свидетельством которых является его издательская деятельность в 1766 г.

Все же на некоторых моментах раннего периода биографии Новикова мы должны остановиться; это будут как раз такие факты его жизни, которые представляются обычно неясными, которые воспринимаются нами как поступки немотивированные или такие, мотивировка которых до нас не дошла. Такими фактами прежде всего являются увольнение Новикова из гимназии «за леность и нехождение в классы» и его уход в двадцатичетырехлетнем возрасте в отставку. Я не буду подробно останавливаться на первом пункте, так как у нас нет никаких документальных материалов для аргументации. Но обращу внимание на то, что в 1758 г. Новиков назван одним из «ближайших к награждению» учеников Благородной гимназии, «оказавшим успехи во втором французском классе у г. Николая Билона».[2]

Г. П. Макогоненко, остановившийся на втором вопросе в своей превосходной монографии, видит в поступке писателя результат определенной точки зрения: «Подать в отставку в двадцать четыре года, после работы в Комиссии, — писал Г. П. Макогоненко, — было актом большой принципиальности, было своего рода общественной демонстрацией».[3] Вполне естественно, что в этой связи Г. П. Макогоненко вспоминает знаменитый второй вопрос из «Вопросов сочинителю Былей и небылиц» Фонвизина: «Отчего многих добрых людей видим в отставке?». Мне кажется, с еще большим основанием следовало бы при обсуждении причин, заставивших Новикова уйти в отставку, вспомнить то место в действии третьем «Недоросля», где Стародум на вопрос Правдина: «Разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?» — отвечает: «В одном только: когда он внутренно удо-

---

[2] Московские ведомости, 1758, 12 мая, № 38, прибавление, с. 8.

[3] Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 107.